

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: В ПОИСКАХ СУЩНОСТИ РЕЧЕВОЙ ОБРАЗНОСТИ¹

Metaphorical Discourse: in Search for the Essence of Speech Imagery

Николай Алефиренко
n-alefirenko@rambler.ru

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

Марал Нуртазина
nurtazina2@gmail.com

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Астана,
Казахстан)

Nikolay Alefirenko
n-alefirenko@rambler.ru

Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Maral Nurtazina
nurtazina2@gmail.com

L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 04.09.2017

Fecha de evaluación: 27.11.2018

Cuadernos de Rusística Española n° 14 (2018), 49 - 65

РЕЗЮМЕ

В статье обсуждаются ключевые принципы анализа метафорического дискурса, который интерпретируется авторами как специфическая разновидность образного речемышления, преобразующего предметную или знаковую информацию в образные представления. Обосновано, что смыслообразующим ядром метафорического дискурса служит концепт как оперативная единица обыденного (наивного) сознания. Рассматривается вопрос о развертывании смыслов в образы и в вербальные иконические знаки. Вскрываются механизмы синергии этих феноменов, возникающие через интериоризацию предметных смыслов, которые порождают смыслообразы, и экстериоризацию вербализуемых смыслообразов, продуктом

1. *Работа выполнена в рамках реализации научного проекта «Разработка методологии и научно-методических основ формирования лингвистических компетенций студентов в контексте модернизации профессионального образования в Республике Казахстан» на основе Грантового финансирования МОН РК на 2015-2017 гг. №5552/ГФ4-15.*

The paper was carried out within the framework of the implementation of the scientific project "Development of methodology and scientific-methodical foundations for the formation of linguistic competencies of students in the context of the modernization of vocational education in the Republic of Kazakhstan" on the basis of Grant Funding of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for the years 2015-2017. №5552 / GF4-15

которой являются когнитивные метафоры – мыслительный субстрат семиозиса речевой образности. Доказано, что составляющими такого лингвосомиозиса, преобразующего мыслекод в язык слов, выступают процессы деятельностного сознания (ДС): акты метафорической номинации, поиск внутренней формы вторичного номинанта, семантизация, коннотация и т.п. Выявлено, что такого рода процессы ДС, отвечающие за речемышление на грани вербального и авербального, составляют суть дискурсивного сознания. Результаты анализа показали, что ДС ответственно за все основные текстопорождающие процессы, формирующиеся на лингвистическом и экстралингвистическом порубежье: а) за поиск смысла и его вербализацию; б) за развертывание смысла в образы (в том числе в вербальные иконические знаки); в) за поиск соответствия предметно-чувственных образов – образам метафорическим; г) за дискурсивную деятельность субъектов художественной коммуникации (автора и читателя), языковые сознания которых непосредственно участвуют в порождении и восприятии (понимании) смысла вообще и личного смысла, рожденного в недрах метафорического дискурса, в частности.

Ключевые слова: метафорический дискурс, смысл, значение, концепт, смыслообразы, дискурсивное сознание

ABSTRACT

The metaphorical discourse is interpreted by the authors as a specific type of figurative speech speculation, which transforms the subject or sign information into figurative representations. It is justified that the semantic core of metaphorical discourse is the concept as an operational unit of commonplace (naive) consciousness. There is a study of the question upon the development of meanings in images and in verbal iconic signs. The mechanisms of synergy of these phenomena are revealed which arise through interiorization of the objective meanings that generate meaning-images and exteriorization of the verbalized meaning-images that produce cognitive metaphors – mental substratum of the semiosis of speech imagery. It is proved that the components of such linguistic semiosis that transforms a thought-code into a language of words are the processes of activity consciousness: acts of metaphorical nomination, search for the inner form of a secondary nominee, semantization, connotation, etc. It has been revealed that such processes of activity consciousness, responsible for speech speculation on the verge of the verbal and the a verbal, constitute the essence of discursive consciousness. The results of the analysis showed that it is responsible for all the basic text-generating processes that are formed on the linguistic and extra-linguistic borders: a) for the search for meaning and its verbalization; b) for the development of meaning in images (including verbal iconic signs); c) for the search for equivalents of object-sensual images – to metaphorical ones; d) for the discursive activity of subjects of imagery communication (the author and the reader) whose linguistic consciousnesses directly participate in the generation and perception (understanding) of meaning in general and the personal meaning born in the depths of metaphorical discourse in particular.

Keywords: metaphorical discourse, meaning, significance, concept, meaning-images, discursive consciousness

1. ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современной научной парадигме когнитивный подход к анализу метафоры занимает приоритетное место в осмыслении метафорологии. Однако смена научных представлений о когнитивном подходе к метафоре как ментальной операции и способе познания (Lakoff 1993; Grady 1996; Cognitive linguistics 2006; Fludernik 2011), концептуализации и категоризации (Лакофф 2004; Кубрякова 2004; Higara 2005; Kövecses 2005), механизме метафоризации (Зинченко 2006; Markus 2009), способах репрезентации когнитивных структур (Василюк 1984; Баранов 2003; Lee 2001; Johnstone 2008), как «когнитивном инструменте трансформации информации» (Краткий словарь 1997: 53; Fairclough 2001) говорит о том, что многие ракурсы анализа речевой образности в метафорическом дискурсе продолжают оставаться дискуссионными в многочисленных исследованиях ученых разных стран (Теория метафоры 1990).

Большим эвристическим потенциалом в аспекте использования теории метафоры в прикладных исследованиях обладает системное описание концептуальных метафор как языковому, когнитивному и культурному феномену, охватывающих человеческий опыт, Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff, Johnson 1980). В этой связи они определили целый ряд когнитивных метафор, моделей, действующих в человеческом сознании как средств выражения ментальных процессов, говоря, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» (Lakoff, Johnson 1980: 25). В работе “The Contemporary Theory of Metaphor” Дж. Лакофф четко дифференцировал понятия «метафорическое выражение» и «концептуальная метафора», говоря, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке» (Lakoff 1993: 203).

Особый подход к анализу когнитивного потенциала метафоры развивается в работах российских исследований, характерной чертой которых выступает четкая теоретическая и прикладная проработанность когнитивно-дискурсивного подхода, когда в орбиту описаний вовлекаются вопросы осмысления роли метафоры в категоризации и концептуализации политического мира (Арутюнова Н.Д., Кубрякова Е.С., Баранов А.Н., Чудинов А.П., Красных В.В., Кашкин В.Б., Алефиренко Н.Ф., Василук 1984)..

Достаточно перспективными, на наш взгляд, являются воззрения А.Н. Баранова, который, рассматривая дескриптивную теорию метафоры, использует категориальный аппарат, удобный для машинной обработки контекстов метафоры. При выявлении метафорической проекции между «областью отправления» функции отображения и ее «областью прибытия» и при их взаимодействии «могут образовываться различные вариации от менее стабильных творческих метафор до устойчивых стертых метафор, фиксированных в культурных традициях общества» (Баранов 2003: 76). В этом же ракурсе интерпретирует метафору как один из видов познавательного процесса американский ученый Эрл Маккормак в работе «Когнитивная теория метафоры», предлагая иерархию познавательного процесса и объединяя человеческий разум с машиной в единый метафорический образ (Теория метафоры 1990: 358-386). А.П. Чудинов исследует механизм функционирования политической метафоры с описанием метафорического моделирования (антропоморфная метафора, социальная и артефактная метафора и др.), давая «эмотивную оценку ее элементам» (Чудинов 2001: 46-47). В.В. Красных пишет о когнитивных структурах, которые лежат в основе языковой и речевой компетенции, формируя когнитивное пространство, включающее как индивидуальный и коллективный опыт народа (Красных 2003: 64).

Метафора как комплексное многослойное явление в разных аспектах исследуется учеными разных стран в коллективном исследовании «Теория метафоры» (Теория метафоры 1990), куда вошли статьи и главы из книг крупнейших ученых (Арутюновой Н.Д., Серля Дж., Маккормака Э., Блэка М., Ортеги-и-Гассета Х., Миллера Дж., Вежбицкой А., Рикера П., Филлмора Ч. и др.).

В зарубежной лингвистике сложный научный прототип когнитивного подхода к рассмотрению метафоры представлен в работах Рональда Лангакера «Cognitive Grammar Introduction to Concept, Image, and Symbol» (Cognitive linguistics 2006: 29-68), Дж. Лакоффа «Conceptual metaphor. The contemporary theory of metaphor» (Cognitive linguistics 2006: 185-238), Чарлиза Филлмора «Frame semantics» (Cognitive

linguistics 2006: 373-400). Как гибридный феномен рассматривает метафору Маркус Тендаль (Markus 2009: 192-200) на примере лексической семантики и прагматики. Рассматривая сложную систему сочетания метафорических моделей и динамику моделей познания, Масако Хирага анализирует особенности функционирования метафор и иконических знаков (Masako 2005: 190-195). Ученый подчеркивает мысль о том, что концептуальное пространство в дискурсе есть когнитивное пространство, построенное при помощи расширения.

Многие ученые выявляют методологию когнитивной лингвистики и метафоры на материале нарратива и психологии текстового процесса в его диалогическом измерении (Fairclough 2001: 100-101), а также методологический и дескриптивный принципа дискурс-анализа метафоры как механизма концептуализации и порождения метафорического смысла текста и творческой модели общения (Johnstone 2008: 43-44). М. Минский сравнивает процесс метафоризации с «полезными эволюционными мутациями», который может выступать как «озарение», а «сформировавшаяся идея получает распространение через культуру», когда человек располагает «своими собственными методами установления новых межфреймовых связей» (Минский 1988: 54-56).

Таким образом, можно утверждать, что метафорический дискурс как разновидность образного мышления обладает способностью преобразовывать предметную или знаковую информацию в реальные художественные образы сквозь призму сравнения, аллегории, метафоры, олицетворения и др. Лингвокультурологический статус метафорического дискурса обуславливается его ассоциативно-образной природой. К тому же смыслообразующим стимулом формирования метафорического дискурса служит метафорическое мышление – источник этноязыкового сознания, выступающего когнитивным основанием теоретической лингвокультурологии.

Когнитивная метафора располагается на рубеже языкового и неязыкового пространства. На неязыковой стороне пограничья находится *метафора когнитивная*, а на вербальной – *метафора словесная*.

Если в разговорном греческом языке метафорой называли тележку для перевозки грузов, то на языке лингвокультурологии метафора – это «тележка» для смысловых трансформаций. В этом – её когнитивная сущность. На эту её ипостась метафоры обращал внимание М.К. Мамардашвили, когда писал, что она служит не только устройством нашего художественного воображения, но и механизмом понимания чего-то происходящего в жизни. Для фиксации данного смыслового акцента ученый вводит термин «прожитая метафора» (Мамардашвили, Пятигорский 1997: 378). Разумеется, метафора, как образ, и как другие психические феномены, ещё не являет речевой смысл. Когнитивная метафора служит лишь его потенциальным субстратом.

Новизна и актуальность проблемы определяются междисциплинарным подходом к пониманию процессов трансформации когнитивной метафоры в словесную как ментальной операции, способа категоризации и познания. Метафорический дискурс при этом служит тем невидимым мостиком, который соединяет вербальные образы с невербальными. Именно их конвергенция создаёт сложную амальгаму, обуславливающую лингвокогнитивную природу метафорического дискурса.

1.2. Цель и задачи исследования. Методология и этапы исследования

Цель исследования – осмыслить метафорический продукт дискурсивного (невербально-знакового) мышления как когнитивно-прагматический субстрат вербально-знаковой коммуникации. Основные задачи, стоящие перед авторами: а) рассмотреть особенности лингвосомиозиса, связанные с ассоциативно-образным экстраполированием довербальных смыслов в метафорические значения; б) выявить соотношение между смыслообразами и метафорическими смыслами.

В данном исследовании целесообразно выразить свое понимание вопроса и предложить собственный подход к сущности речевой образности в метафорическом дискурсе. Исследование метафорического дискурса нами осуществляется в рамках когнитивно-дискурсивного подхода (Алефиренко 2013; Нуртазина 2017) как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. Методологически значимым для данного исследования является понимание метафорического дискурса как коммуникативного события, в ассоциативно-образном моделировании которого отражаются «менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» (Ван Дейк 1998: 47; Van Dijk: 85-88), а метафорическое отображение (когнитивные метафоры и образные отображения) обладает физической и культурной основой, поэтому предстает как социально мотивированной (Lakoff, Johnson 1980: 49).

Этапы исследования метафорического дискурса: 1) выявление предпосылок исследования семиозиса метафорического речемышления; 2) осмысление процесса развертывания смысла в образы и вербальные иконические знаки; 3) синергетическая конвергенция смыслообразов в метафорический дискурс.

2. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ВОПРОСОВ ТРАНСФОРМАЦИИ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В СЛОВЕСНУЮ

В данной работе мы придерживаемся мнения о том, что перевод когнитивной метафоры в словесную инициируется потребностью в оязыковлении посредством метафоризации ментально-психических структур. Конвергенция вербальных образов с невербальными создаёт ту сложную амальгаму, которая, собственно, и определяет лингвокогнитивную природу дискурса. Можно сказать, что метафора выполняет роль креативного связующего звена между ментально-психическими процессами и речевыми построениями, как отмечено N. Fairclough: “Different metaphors imply different ways of dealing with things” (Fairclough 2001: 100). Это та речемышлительная зона, где осуществляется важная дискурсивная деятельность по преобразованию продуктов невербально-знакового мышления в языковую семантику. Такой антропологический подход к особенностям человеческого сознания и мировосприятия активно развивается в работах Н.Ф. Алефиренко и его учеников (Алефиренко 2013). В статье М.Б. Нуртазиной (Нуртазина 2017: 189-192) представлен фреймовый способ описания метафоризации когнитивных концептов, рассматривается структура метафорической модели на примере концепта «время», организованная при помощи расширения и имеющая глубинную когнитивную структуру в ментальном лексиконе.

Данное суждение для лингвокогнитивного истолкования механизма его перехода из гипотезы в теоретическое положение нуждается в ряде обоснований. Во-первых, возникает вопрос о том, где локализуется столь важное креативное звено в многосложной цепи речемыслительной деятельности человека; во-вторых, требуют разъяснения способы преобразования метафорического продукта невербально-знакового мышления в вербально-знаковое.

В поисках ответа на столь непростые вопросы мы выходим из аксиомы лингвокогнитивистики, согласно которой все речемыслительные процессы осуществляются в коре головного мозга человека, выражающиеся в *субъективном переживании объектов его внешнего и внутреннего мира, входящих в состав коммуникативно значимого события*. Такие субъективные переживания, выражающиеся в самоотчетах об этих событиях, сопряжены со связанной с речью функцией мозга. Они образуют тот загадочный феномен, который называется «сознание», благодаря которому человек наделён способностью осознавать себя и окружающий мир в прошлом и настоящем. Сознание формируется креативными механизмами идеального отражения реалий познаваемого мира, в результате которого возникает субъективный образ объективного мира. Столь уникальная способность реализуется благодаря семиозису – процессу не только «порождения» значения, но и «интерпретации» знака.

Широкий диапазон действия семиозиса как речемыслительного процесса обязан специфическим механизмам и семиотическим формам дискурсивного построения субъективного образа объективного мира на этапах его довербального и языкового осмысления. Существование доязыкового и вербального семиозиса служит основанием для выделения в структуре сознания того эпицентра речемышления, который мы называем *дискурсивным сознанием* (Алефиренко 2009: 3).

2.1. Предпосылки осмысления семиозиса метафорического речемышления

Благодаря дискурсивному сознанию вербальный семиозис охватывает все сферы функционирования, развития и обновления языка. Об этом свидетельствуют исследования научной школы когнитивной лингвокультурологии, основанной проф. Н.Ф. Алефиренко. Основной вектор её научного поиска – когнитивная лингвокультурология – зафиксирован соответствующим сертификатом. Так, в исследованиях астраханской ветви научной школы лингвосемиозис, управляемый дискурсивным сознанием, прослеживается в разных структурных нишах лингвосистемы на этапе их неологической динамики (Л.Ю. Касьянова) и узаконенной узусом регулярной воспроизводимости единиц языка разных уровней: а) лексико-фразеологического (З.Р. Аглеева и др.), б) морфологического (Т.Д. Бардина), в) словообразовательного (Г.В. Белякова). Закономерности речевой репрезентации продуктов лингвосемиозиса рассматриваются в трудах белгородской ветви: в прозаических речевых жанрах – Е.Г. Озерова, в поэтической речи – И.И. Чумак-Жунь, в паремиях – Н.Н. Семененко.

Семантические аспекты лингвосемиозиса освещены в исследованиях волгоградской ветви: в диахронии – Е.Б. Никифоровой и Е.В. Брысиной, в синхронии – В.И. Супруном и др. Результаты их исследований в той или иной мере раскрывают особенности лингвосемиозиса, связанные с творческим экстраполированием довербальных смыслов в языковые значения единиц разных уровней.

Предположения о существовании довербальных смыслов высказывали не только лингвисты, но и гениальные философы, стремившиеся разгадать тайну научного творчества (М.М. Бахтин, Х. Ортега-и-Гассет и др.). Современный когнитолог Стивен Пинкер назвал такой язык мысли мыслекодом. Отсюда научный соблазн осуществить, казалось, непостижимое: раскрыть вековую тайну речемышления – механизм трансформации мыслекода в собственно языковой код. Задача эта, конечно же, определяет многолетнюю перспективу не одному поколению ученых. Пока совместными усилиями нашей школы выявлено, что перевод невербального знания в языковое знание стимулируется доминантной задачей такого трансферта – поиском смысла и средств его объективации (Алефиренко 2013: 5); ситуация может быть нежелательна, независима от говорящего, но в высшей степени вероятна, предсказуема из опыта самого говорящего или опыта социума (Нуртазина 2017: 188).

Такой поиск опирается на имплицитно осуществляемые сложные операции по свёртыванию и развёртыванию исходного замысла (Алефиренко 2013), по перекодированию смыслов индивидуального мыслекода в лингвосемантические фантомы – изначально призрачные словообразы конкретного языка. Словообразы, если опираться на суждения классиков, рождаются из личностного переживания (М.К. Мамардашвили) коммуникативно значимого события, из зрительных образов и даже мышечных ощущений (А. Эйнштейн), из так называемого интонирующего мышления (М.М. Бахтин), из живой страсти понимания (Х. Ортега-и-Гассет), из состояния преисполненной чувства души (И. Кант). Из подобного комплекса переживаний и порождается образ коммуникативного события – дискурс или, точнее, дискурсивное сознание, тот речемыслительный котел, в котором выплавляется текст.

В итоге словообразы-фантомы, пройдя стадию внутреннего слова, воплощаются в билатеральные языковые знаки (в их сосюровском понимании как двусторонних психических сущностей) – первооснову языкового сознания. Сам же механизм вербализации смысла, находясь на грани вербального и авербального, опирается на деятельностный принцип дискурсивного сознания с его авербальными и вербальными составляющими. Авербальные действия связаны с памятью, опытом, переживаниями и другими смыслопорождающими факторами неязыкового характера (этнокультурной и языковой личностью, коммуникативным событием, ранее накопленными знаниями в самых разных форматах: предметно-чувственных образах, гештальтах, концептах и фреймах). Приводным ремнем в данном механизме служит замысел и авторские интенции.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: ДИСКУРСИВНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ИСТОЧНИК СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИХ ПРОЦЕССОВ ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Составляющими лингвосемиозиса, преобразующего мыслекод в язык слов, выступают процессы метафорической номинации, поиск внутренней формы вторичного номинанта, семантизация, коннотация и т.п. Такого рода деятельностное сознание, отвечающее за речемышление на грани вербального и авербального, как раз и составляет суть дискурсивного сознания. Оно ответственно за все

основные текстопорождающие процессы, формирующиеся на лингвистическом и экстралингвистическом порубежье: а) за поиск смысла и его вербализацию; б) за развертывание смысла в образы (в том числе в вербальные иконические знаки); в) за поиск соответствия предметно-чувственных образов – образам метафорическим; г) за дискурсивную деятельность субъектов художественной коммуникации (автора и читателя), языковые сознания которых непосредственно участвуют в порождении и восприятии (понимании) смысла вообще и личностного смысла в частности.

Попытаемся приоткрыть завесу над тайной каждого из четырех названных процессов.

3.1. Поиск метафорического смысла и способов его вербализации

Почему первой задачей дискурсии является *поиск смысла*?

Ответ на этот вопрос следует искать в психологии, для которой смысл является базовой категорией. По авторитетному суждению Л.С. Выготского, в целом сознание имеет смысловое строение (Выготский 1983: 145). Для понимания роли смысла в структуре дискурсивного (речемыслительного) сознания следует обратиться к основному труду Л.С. Выготского «Мышление и речь». Если в начале книги ученый утверждает, что единицей анализа речевого мышления является значение, то к концу книги, он пришел к мысли, что такой единицей является *смысл*. А.Н. Леонтьев также считал смысл, наряду с чувственной тканью сознания и значением, одним из базовых компонентов человеческого сознания (Леонтьев 1977: 153) и, более глобально, важнейшей категорией антропоцентрической парадигмы гуманитарных дисциплин. По мнению В.П. Зинченко, смысл доминирует над всеми остальными психическими явлениями: двигательными, перцептивными, мнемическими, умственными и др. (Зинченко 2006: 109). Чувственная ткань сознания образует конкретно-предметные образы, актуально воспринимаемые или всплывающие в памяти в процессе лингвогенезиса. Такие образы, различаясь по своей модальности, чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивостью, порождают *когнитивные метафоры*, которые в дискурсивной деятельности приобретают новое качество – свою означенность и значения.

Следовательно, вербализованные образы, смыслы и значения являются важнейшими компонентами языкового сознания, когда происходит развертывание метафорического смысла в образы и в вербальные иконические знаки. Так, Поль Риккёр в статье «Живая метафора» интерпретировал **метафору** как поток образов, порожденных смыслом, в результате которого смысл ищет своей адекватной словесно-образной репрезентации в наиболее наглядном типе знака – иконическом (Теория метафоры 1990: 449), при этом метафорическое значение есть «семантический сдвиг на уровне смысла, есть семантическая инновация», которая порождает «новую семантическую уместность» (Теория метафоры 1990: 417-419).

Прагматизм такого поиска обуславливается потребностью в «контроле над образом со стороны смысла, а также использовании «живописной» потенции языка» (Зинченко 2006: 107).

Обозначенный контроль, обеспечивающий реализацию экспрессивно-оценочной функции языка, и осуществляют метафоры как иконические знаки. П. Риккёр, используя слова Л. Витгенштейна, фокусирует внимание на компаративной природе метафоры, дающей возможность «видеть как»: *толковать один объект через сопоставление его с другим*. Особенно обострённо ощущали метафору художники слова. Так, О.Э. Мандельштам писал: «Земля гудит метафорой. Для нашего сознания только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» (Мандельштам 1987: 161).

Конечно, метафора больше, чем сравнение, она имеет более глубокую и богатую внутреннюю форму. В результате совмещения двух образов раскрывается смысл метафоропорождающего концепта. «Видеть как» – это способность удерживать в сопряжении смысл и образ. Поль Риккёр приписывает такому совмещённому видению двух картин «роль схемы, объединяющей пустой концепт и слепое впечатление» (Теория метафоры 1990: 435-436). Совмещённое видение двух картин характеризуется смешанным восприятием действительности, являющимся, по определению ученого, *полумыслью и получувством*. Однако такого рода ментально-психический гибрид, тем не менее, *способен соединять ясность мысли с полнотой образа* (Теория метафоры 1990: 452). В дискурсивно сознании возникают некие смыслообразы (осмысленные образы).

Понимание соответствий между смыслообразами и метафорическими смыслами слов, их обозначающих, помогают найти или оживить дискурсопорождающие концепты. Такие концепты, являющиеся, по словам В.П. Зинченко, своего рода «интеллектуальной материей» (Зинченко 2006), доступны дискурсивному сознанию через живую метафору (Алефиренко 2013: 5).

Цитируемое нами оксюморонное выражение «интеллектуальная материя» указывает на способ сложно постижимых объектов познания. Несмотря на плодотворное многовековое описание метафоры (начиная с Аристотеля), её когнитивно-дискурсивная сущность по-прежнему остается загадочной жар-птицей. В отличие от словесной, когнитивная метафора служит средством концептуализации нового знания о тех или иных объектах коммуникативного события (дискурса). При этом она воплощает способности человека улавливать и создавать сходство между разными (даже сложно соотносимыми) индивидами и классами объектов.

3.2. Метафорический дискурс – «скоропись духа языковой личности» писателя

Дискурсивное сознание субъектов художественной коммуникации (автора и читателя) «управляется» их сознанием (языковым, речевым, дискурсивным (автора и читателя), языковые сознания которых непосредственно участвуют в порождении и восприятии (понимании) общего и личностного смысла есть один из аспектов процесса метафорической номинации.

Наряду с биологическим, жизненным, есть ещё и личностный смысл (А.Н. Леонтьев). Поскольку дискурсивная деятельность субъектов художеств), дискурс-анализ стремится выявить, как соотносятся в тексте общезыковые значения и формирование языковой (дискурсивной) личности автора скрытых смыслов его

концептосферы, Б.Л. Пастернак, создавший художественную версию философии, называл «метафоричностью» неожиданные сочетания личностные смыслы. Последние в художественном дискурсе существуют в явной и скрытой формах. Наряду с эксплицитными (явными) смыслами, особую проблему дискурсивной лингвопоэтики образует выявление и интерпретация реципиентами (читателями и слушателями) скрытых метафорических смыслов личностного, надличностного или сверхличностного характера. Рассуждая о влиянии на уподобление разнородного, поэт писал: «Метафоризм – естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При таком несоответствии он вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями». Это и есть поэзия – метафоризм – стенография большой личности, скоропись ее духа» (Пастернак 1991: 414).

«Скоропись духа личности» не противоречит совершенству поэтического речемышления. Она – продукт озарения – явления глубоко интеллектуального, суть которого в неожиданном понимании сути возникнувшей проблемы и нахождении способа её решения. Озарение – это догадка, инсайт – принципиально новое видение чего-то, внезапное, мгновенно возникающее и невыводимое из прошлого опыта новое понимание, постижение существенных отношений, задач. Это высшая форма ясности сознания, обеспечивающая ему способность к мышлению и раскрытию интуиции. Это состояние ума, души и тела, когда рождаются невозможное, для интеллекта, логики и памяти. Озарение – это миг рождения и понимания истины.

4. ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА МЕТАФОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

О феномене озарения знают все, кто занят творчеством. Это жемчужина сознания, бесценный дар, когда открывается канал связи между человеком и миром (Вселенной), когда в мозг человека поступает мощный объём энергии, которую человек может воспринимать как очень яркий свет или, если он более подготовлен к приёму этой энергии, он может расшифровать её в виде определённых образов, в их космическом или в словесном выражении. Рожденные таким способом образы призваны преодолеть инертность устоявшихся и уже практически ничем не мотивированных понятий. Стимулом к такого рода генезиса смысла служит необходимость в познании нового даже в тех объектах, которые уже нашли отражение в «земных понятиях».

Поскольку «активное познание проходит по метафорической оси» (Кашкин, Шаталов: 94), даже утративший метафорический смысл концепт в дальнейшем подвергается метафоризации. Это позволяет преодолеть земное притяжение мёртвых понятий, выйти на орбиту нового знания через некие, по определению В.П. Зинченко, смысло-образы, воплощенные в живых метафорах. Именно живые метафоры снимают с мёртвых понятий иллюзию понятности, показывают ущербность и даже банальность устоявшихся, привычных дефиниций, вызывают желание проникнуть в тайну внутреннего смысла, превратить её в предметно-чувственное восприятие (Зинченко 2006: 100; см. также: Арутюнова 1999: 385 – 402), ибо, как полагал ученый, «одна живая метафора много полезнее десятка мертвых понятий» (Зинченко 2006: 109-

112). Глубокие философско-психологические суждения В.П. Зинченко, разумеется, для их лингвистического применения требуют лингвистического препарирования.

4.1. «Живое понятие» и метафора

Современная лингвокогнитивистика позволяет приоткрыть завесу, скрывающую суть определений «мертвые и живые» понятия. Прежде всего, отметим, что такие определения сродни столь же аморфным феноменам психологии, как *живое знание* или *живое внимание*. В лингвистике такими же сложно определяемыми являются *живая метафора* и *живое слово*, которые, тем не менее, приняты наукой о языке, получили прописку и в дидактической литературе. Объясняется это тем, что они открывают возможность проникновения в глубины того смыслового поля, в которых из привычных понятий, объективированных в языковых значениях, извлекаются новые элементарные смыслы, а из них выстраиваются креативные конфигурации уже существующего мыслекода в виде тех образов, которые обновляют внутренние формы слов и фразеологизмов.

Такое обновление вызывается креативной энергией "трансцендентального привода" – источника лингвокогнитивной мембраны, находящейся на границе между сознанием, подпитываемым данными правого и левого полушарий и внешним миром. Будучи устройством с двусторонней проводимостью, лингвокогнитивная мембрана служит своего рода таможенной, пропускающей фантомы знаний из внешнего мира в мир внутренний или отфильтровывающей их.

Такая мембрана может быть проницаемой или закрытой зоной также и для внутренней энергии, рвущейся изнутри переживающего субъекта. Её открывшиеся шлюзы служат проводниками словотворческой энергии поэтов и писателей. Об этом размышляла А.А. Ахматова в цикле "Тайна ремесла". В понимании поэтессы, одухотворенное слово возникает из недр обыденной жизни, а задача поэта состоит лишь в том, чтобы вовремя ощутить его проникновение через лингвокогнитивную мембрану, схватить его звуковой образ и зафиксировать на бумаге.

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.*

Как ранее отмечалось, решающую роль в этом играют переживания познающего субъекта. Как доказал в своем фундаментальном труде Ф.Е. Василюк, открытие сознанием ранее скрытого смысла происходит благодаря деятельности переживания (Василюк 1984), которая, как утверждал Л.С. Выготский, служит механизмом, образующим сознание. Для возникновения у человека языкового сознания к переживанию подключается еще один вид деятельности – деятельность понимания.

Амальгама этих двух видов деятельности и является порождающим фактором языкового сознания. Если субъективные переживания есть доминанта сознания вообще, то понимание – важнейший конструкт языкового сознания. *Смысл* – субъективное переживание рождает смысл. Понимание денотативной ситуации – когнитивное основание процесса *осмысления языковых значений*.

Основополагающая роль деятельности понимания в формировании языкового сознания объясняется тем, что само понимание обеспечивается двумя противоположными процессами – означением смысла и осмыслением языковых значений (Зинченко). Такой двунаправленный процесс обеспечивает внешний диалог (общение двух коммуникантов) и внутренний диалог, осуществляемый отдельным человеком, так называемый процесс внутриличностной аутокоммуникации. Если первый тип диалога хотя бы в общих чертах известен каждому школьнику (он обеспечивает общение двух сознаний), то второй не всегда доступен даже лингвистам. Он служит формой диалогизма самосознания. Его приводным механизмом служит рефлексия, т.е. обращение внимания человека на своё собственное состояние и опыт. Внешний диалог базируется на кодировании и декодировании значений, а внутренний «работает» со смыслами.

4.2. *Лингвокогнитивная мембрана как механизм смысловой интериоризации и экстериоризации метафорического дискурса*

Суть речемыслительной деятельности состоит в активизации лингвокогнитивной мембраны для взаимодействия значения и смысла. При этом для отправителя сообщения внутренний диалог служит порождению речи, а для реципиента – средством осмысления значений воспринимаемых языковых знаков. Осмысленное значение превращается реципиентом в смысл, а означивание смысла отправителем сообщения (смысла, возникшего в результате внутреннего диалога) переводит когнитивное переживание на уровень значения языкового знака.

Как видим, лингвокогнитивная мембрана – действующий механизм с двусторонней проводимостью, своего рода водораздел между внешним и внутренним миром человека. Правда, именно благодаря своей двусторонней проводимости граница между внутренним и внешним миром оказывается весьма условной. Это, скорее, место их встречи, место обмена энергиями. Конвергентные свойства лингвокогнитивной мембраны, пожалуй, лучше других чувствуют поэты. Великий Гете писал не без иронии:

*Мирозданье постигая,
Все познай не отбирая:
Что – внутри, во внешнем сыщешь;
Что – вовне, внутри отыщешь.
Так примите без оглядки
Мира внятны загадки.*

Если же перевести поэтическую мысль в лингвокогнитивное русло, то лингвокогнитивную мембрану можно представить проводником и регулятором

интериоризации ("вращения" внешней предметной деятельности в деятельность внутреннюю) и экстерииоризации, обеспечивающей выход внутренней (мыслекодовой) деятельности в деятельность внешнюю (словотворческую). Наблюдается своего рода синергия эксплицитных и имплицитных смыслообразов в содержательной структуре метафорического дискурса. Для понимания синергии интериоризации и экстерииоризации достаточно эффективной может стать попытка их лингвокогнитивного осмысления. На наш взгляд, основным фильтром интериоризации предметных смыслов и экстерииоризации смыслов вербализованных служит основная единица лингвокогнитивистики – концепт. Интериоризация предметных смыслов порождает некие смыслообразы, а экстерииоризация оязыковленных смыслообразов – метафоры.

Это, по сути, две глобальные категории текстопорождающего дискурса. Видимо, поэтому Поль Риккёр (Теория метафоры 1990: 440) располагал метафору на границе между психикой и языковой семантикой, утверждая, что по этой линии осуществляется связь логического с чувственным, т.е. вербального с невербальным. Он рассматривал метафору как поток образов, порожденных смыслом, как развертывание смысла в образы. На этом суждении со ссылкой на Л. Витгенштейна, П. Риккёр объясняет метафорическую функцию преломления познаваемого мира с помощью конструкции «видеть как», как интуитивного отношения, удерживающего вместе смысл и образ, и как интерпретации действительности, когда образ видится как смысл. Такая когнитивная метафора, будучи полумыслью и получувством, пытается соединить ясность мысли с полнотой образа и тем самым заложить в порождаемом тексте эксплицитное речевое содержание, а в подтекст – имплицитные (невербализованные) смыслы порождающего метафорического дискурса.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСА

Итак, метафорический дискурс представляет собой многослойную модель осмысления коммуникативного события. Его многослойность можно представить также с помощью метафор-паутин (Макс Вебер), служащими кровеносной системы смысла (Г.Г. Шпет), радугами смысла (А. Белый), облаками мысли / смысла (Л.С. Выготский / Г.П. Щедровицкий). В результате двойного переосмысления смыслообразов дефиниция метафорического дискурса приобретает весьма содержательный вид. Метафорический дискурс – результат интерпретации коммуникативного события, создающей некое облако мысли или паутину смыслового содержания художественного текста, нити которой служат его смыслопроводящими артериями, проецирующими в читательском восприятии текста своеобразную радугу смысла.

В представленной работе выявлены предпосылки анализа семиозиса метафорического речемышления, продемонстрирован процесс развертывания смысла в образы и вербальные иконические знаки, а также показан процесс конвергенции смыслообразов в метафорический дискурс.

Проведенным исследованием доказано, что основным стимулом к процессу метафоризации является потребность в оформлении смыслообраза. Механизмом, реализующим эту потребность, служит когнитивная метафора, которая выполняет

две функции: (а) оформляет концепт и (б) в момент озарения вокруг данного концепта программирует структуру будущего нарратива.

Результатом столь многоступенчатых преобразований является когнитивное основание для текстопорождения – метафорический дискурс, перспективы для дальнейшего исследования которого бесспорны, особенно когда речь идет о том, какие существуют речемыслительные механизмы для выбора дискурсивных средств образности. Такой процесс концептуализации всецело зависит от креативных особенностей поэтического мышления каждого автора и читателя – их индивидуальной способности к творческому воображению, имеющих идейно-стилистических предпочтений, наконец, от их эстетического кредо, лежащего в основе того или иного типа дискурсивно-образных ассоциаций. Особую значимость при этом приобретают лежащие в основе метафорического дискурса архетипические концепты, отражающие ценностные установки разных ментальностей.

Таким образом, неисчерпаемая глубина всего континуума взаимосвязи концептуализации и метафоризации в дискурсообразовании способна открывать новые перспективы исследования закономерностей метафорического восприятия и интерпретации того коммуникативного события, которое служит когнитивным субстратом метафорического дискурса. Иными словами, метафорический дискурс в дальнейшем можно рассматривать как феноменологическую модель, в которой (а) метафорическое переживание коммуникативного события в его целостности (включая, если развивать мысль Т. Ван Дейка, не только речевую метафоризацию текста, но и внеязыковые факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), приводит к смысловому развитию текста, (б) придается интенционально значимый смысл всему тексту как результату концептуализации и метафоризации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- COGNITIVE LINGUISTICS: BASIC READINGS (2006). Edited by Dirk Geeraerts. Mouton de Gruyter Berlin New York.
- FLUDERNIK, M. (2011): *Beyond Cognitive Metaphor Theory*. New York, 2011. — P. 311.
- GRADY, J., TAUB, S., MORGAN, S. (1996): *Primitive and compound metaphors*. Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. Stanford, 1996.
- HIGARA, MASAKO K. (2005). *Metaphor and Iconicity: A Cognitive Approach to Analyzing Texts*. New York, NY: Palgrave Macmillan.
- KÖVECSES, Z. *Metaphor in culture: universality and variation*. New York, 2005. – P. 314.
- LAKOFF, G., & JOHNSON, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- LAKOFF, G. (1993): *The Contemporary Theory of Metaphor: Metaphor and Thought (Ed. A. Ortony*. Cambridge University Press. Pp. 202-252.
- LEE, D. (2001): *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Oxford: Oxford University.
- MARKUS, TENDAHL (2009): *A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics*. Palgrave Macmillan.
- FAIRCLOUGH, N. (2001): *Language and Power*. 2d Edition. Longman. London.
- JOHNSTONE, BARBARA (2008): *Discourse Analysis*. Second Edition. Blackwell Publishing. Oxford.

- VAN DIJK, T. (1996): *Discourse, Power and Access*. In C.R. Caldas-Coulthard, and M. Coulthard (eds.) *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. Routledge. London. Pp. 84-106.
- АЛЕФИРЕНКО, Н.Ф. (2013): *Смысл как лингвофилософский феномен, Вестник Томского государственного университета. Филология. №1 (21).* – С. 5-14.
- АЛЕФИРЕНКО, Н.Ф. (2009): *Дискурсивное сознание: синергетика языка, познания и культуры. Языковое бытие человека и этноса. Когнитивный и психолингвистический аспекты: Материалы Междунар. школы-семинара (V Березинские чтения). Вып. 15. ИНИОН РАН. Москва. МГЛУ. С. 3-11.*
- АРУТЮНОВА, Н.Д. (1999): *Язык и мир человека*. Москва. Языки русской культуры
- БАРАНОВ, А.Н. (2003): *О типах сочетаемости метафорических моделей*. Вопросы языкознания. №2. С. 73-94.
- ВАСИЛЮК, Ф.Е. (1984): *Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций)*. Москва. Изд-во Моск. ун-та.
- ВЫГОТСКИЙ, Л.С. (1983): *Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3*. Москва. Педагогика.
- ДЕЙК ВАН, Т.А. (1998): *К определению дискурса*. Санкт-Петербург. Сэйдж пабликэйшнс.
- ЗИНЧЕНКО, В.П. (2006): *Живые метафоры смысла. Вопросы психологии. № 5. С. 100-113.*
- КАШКИН, В.Б., ШАТАЛОВ, Д.Г. (2006): *Метафора как средство активного познания. Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. тр. Воронеж. ВГУ. С. 94-102.*
- КРАСНЫХ, В.В. (2003): *«Свой» среди «чужих»: миф или реальность?* Москва Гнозис.
- КРАТКИЙ СЛОВАРЬ КОГНИТИВНЫХ ТЕРМИНОВ (1997): Москва. МГУ имени М.В. Ломоносова.
- КУБРЯКОВА, Е.С. (2004): *Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва. Языки славянской культуры.
- ЛАКОФФ, Дж. (2004): *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении*. Москва. Языки славянской культуры.
- ЛЕОНТЬЕВ, А.Н. (1977): *Деятельность. Сознание. Личность*. 2-е изд. Москва. Политиздат.
- МАМАРДАШВИЛИ, М.К., ПЯТИГОРСКИЙ, А.М. (1997): *Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке*. Москва. Школа «Языки русской культуры».
- МАНДЕЛЬШТАМ, О. (1987): *Слово о культуре*. Москва. Советский писатель.
- МИНСКИЙ, М. (1988): *Остроумие и логика когнитивного бессознательного. Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. Москва. Прогресс.
- НУРТАЗИНА, М.Б. (2017): *"Epistemological Potential of Metaphorical Understanding of the Time Semantics"*. Наука и жизнь Казахстана. №6 (46). С. 187-195.
- ПАСТЕРНАК, Б. (1991): *Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Художественная литература*, Москва.
- ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ (1990): Под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. Москва. Прогресс.
- ЧУДИНОВ, А.П. (2001): *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000)*. Екатеринбург. УрГПУ.

BIBLIOGRAPHY

- ALEFIRENKO, N.F. (2009): Diskursivnoe soznanie: sinergetika yazyka, poznaniya i kul'tury. Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa. Kognitivnyi i psikholingvisticheskiy aspekty: Materialy Mezhdunar. shkoly-seminara (V Berezinskiye chteniya). Vyp. 15. INION RAN, MGLU, Moskva. S. 3-11.
- ARUTYUNOVA, N.D. (1999): Yazyk i mir cheloveka. Moskva. Yazyki russkoy kul'tury
- BARANOV, A.N. (2003): O tipakh sochetayemosti metaforicheskikh modeley. Voprosy yazykoznavaniya. №2. S. 73-94.
- CHUDINOV, A.P. (2001): Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000). Ekaterinburg. UrGPU.
- COGNITIVE LINGUISTICS: BASIC READINGS (2006). Edited by Dirk Geeraerts. Mouton de Gruyter Berlin New York.
- DEIK VAN, T.A. (1998): K opredeleniyu diskursa. Seidzh pablikeishns. Sankt-Peterburg.
- FLUDERNIK, M. (2011): *Beyond Cognitive Metaphor Theory*. New York, 2011. — P. 311.
- GRADY, J., TAUB, S., MORGAN, S. (1996): *Primitive and compound metaphors*. Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. Stanford, 1996.
- HIGARA, MASAKO K. (2005). *Metaphor and Iconicity: A Cognitive Approach to Analyzing Texts*. New York, NY: Palgrave Macmillan.
- FAIRCLOUGH, N. (2001): *Language and Power*. 2d Edition. Longman. London.
- JOHNSTONE, BARBARA (2008): *Discourse Analysis*. Second Edition. Blackwell Publishing. Oxford.
- KASHKIN, V.B., SHATALOV, D.G. (2006): Metafora kak sredstvo aktivnogo poznaniyayu. Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda: sb. nauch. tr. VGU, Voronezh. S. 94-102.
- KÖVECSES, Z. *Metaphor in culture: universality and variation*. New York, 2005. — P. 314.
- KRASNYKH, V.V. (2003): «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili realnost? Moskva Gnozis.
- KRATKIY SLOVAR KOGNITIVNYKH TERMINOV (1997): Moskva. MGU imeni M.V. Lomonosova.
- KUBRYAKOVA, E.S. (2004): Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira. Moskva. Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- LAKOFF, G., & JOHNSON, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- LAKOFF, G. (1993): *The Contemporary Theory of Metaphor. Metaphor and Thought (Ed. A. Ortony)*. Cambridge University Press. Pp. 202-252.
- LAKOFF, Dzh. (2004): Zhenschiny, ogon i opasnye veschi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Moskva. Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- LEE, D. (2001): *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Oxford: Oxford University.
- LEONTIEV, A.N. (1977): Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. 2-e izd. Politizdat, Moskva.
- MAMARDASHVILI, M.K., PYATIGORSKII, A.M. (1997): Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke. Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», Moskva.
- MANDELSHTAM, O. (1987): Slovo o kul'ture. Sovetskii pisatel', Moskva.
- MARKUS, TENDAHL (2009): *A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics*. Palgrave Macmillan.

- MINSKIY, M. (1988): Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatelnogo. Novoe zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XXIII. Kognitivnye aspekty yazyka. Moskva. Progress. S. 52-92.
- NURTAZINA, M.B. (2017): "Epistemological Potential of Metaphorical Understanding of the Time Semantics". Nauka i zhizn Kazakhstana. №6 (46). S. 187-195.
- PASTERNAK, B. (1991): Sobranie sochineniy v pyati tomakh. T. 4. Khudozhestvennaya literatura, Moskva.
- TEORIYA METAFORY (1990): (Pod red. N.D. Arutyunovoy i M.A. Zhurinskoy. Moskva. Progress.
- VAN DIJK, T. (1996): *Discourse, Power and Access*. In C.R. Caldas-Coulthard, and M. Coulthard (eds.) *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. Routledge. London. Pp. 84-106
- ALEFIRENKO, N.F. (2013): Smysl kak lingvofilosofskii fenomen, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. №1 (21). – S. 5-14.
- VASILYUK, F.E. (1984): Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii). Izd-vo Mosk. un-ta. Moskva.
- VYGOTSKII, L.S. (1983): Sobranie sochinenii: V 6 t. T. 3. Pedagogika. Moskva.
- ZINCHENKO, V.P. (2006): Zhivye metafory smysla. Voprosy psikhologii. № 5. S. 100-113.